

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 5

**Санкт-Петербург
2006**

В.В. Селиванов
Вяч.И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и
творческой судьбе К.М. Колобовой
(часть I)

Ксения Михайловна Колобова родилась 7 января 1905 года по новому стилю (25 декабря 1904 года по старому стилю) в Ашхабаде, где в то время находилась вся семья. Своими историческими корнями она была связана с Петербургом, поскольку – по семейному преданию – её предки (крестьяне из новгородских земель) были первостроителями новой столицы России. Прадед К.М. служил в последние годы правления Екатерины II в охране Зимнего дворца, а после смерти императрицы – при Павле I – в охране Михайловского замка, где и стал косвенным очевидцем трагической гибели императора. Именно это событие и явилось причиной, по которой прадед К.М. оказался в Оренбургской губернии, а его потомки – в среде оренбургского казачества.

Начало

Отец К.М., Михаил Банифатьевич Колобов, родился в 1867 году в одной из небольших деревень Оренбургской губернии, прожил долгую и сложную жизнь и умер после продолжительной тяжелой болезни в 1934 году в Баку. Детство Михаила Банифатьевича было трудным. Он и его сестра, которая была младше его на три года, рано остались без отца, мать ими не занималась и очень тяготилась, воспитывали их бабушка и дед. От своей бабушки и узнал Михаил Банифатьевич о том, по какой причине его дед оказался вдали от Санкт-Петербурга: он видел и знал в лицо всех участников убийства императора, и поэтому сразу после смены с ночного дежурства без захода в казарму был отправлен в Оренбургскую губернию с подпиской о неразглашении того, чему он был свидетелем. Ему был предоставлен дом и земельный участок с правом белопашества, т.е. без уплаты налога. Об этом М.Б. со слов ба-

бушки записал в оставленных после себя тетрадах, где рассказывал о своей нелегкой и скитальческой жизни¹. Проявляя с детства самостоятельность, он сам выучился грамоте и, сдав необходимые испытания, стал сельским учителем.

Он обладал авторитетом у своих односельчан как человек грамотный и справедливый, хороший советчик и надежный заступник. Стремясь к проповеди добра, он посчитал важным для себя получить сан священника, что, по его мнению, должно было значительно расширить нравственное влияние на односельчан и увеличить возможности помогать им в их нелегкой крестьянской жизни. Получив одобрение в местной консистории, он сдал все необходимые экзамены и получил сан священника, а затем был переведен из школы на службу в местную церковь. Незадолго до получения сана он женился. Его жена – мать К.М. – Анна Афанасьевна, 1886 года рождения (на один год старше мужа), была из семьи оренбургских казаков. Став женой священника, она все долгие годы совместной жизни делила с мужем выпавшие на их долю немалые тяготы.

Жизнь М.Б. в качестве священника обернулась для него многочисленными разочарованиями. Он был сыном своей эпохи, романтиком-правдолюбом, верившим в обновление жизни при помощи проповеди добра, верившим в благое влияние церкви на нравственное состояние общества и, став священником, старался добросовестно нести свою службу, помогать нуждающимся, защищать обиженных и униженных, обнажать пороки и разоблачать злонамеренность и несправедливость. При этом он не ограничивался проповедями, но неоднократно обращался и к помощи местной прессы, где под псевдонимами выступал с критикой и разоблачениями, в том числе и своих собратьев по службе. Мало кто понимал и поддерживал его в романтическом служении добру, особенно если учесть, что и церковь в те времена была затронута многими болезнями общества, вступившего в пору разрушения и деградации. Бздоимство как следствие корыстолюбия, распущенность и откровенный цинизм как результат корпоративного укрывательства и безнаказанности, нарушений своих служебных обязанностей и нравственного долга вызывали протест М.Б. и порождали его разочарование в избранном пути. Все попытки М.Б. отстаивать справедливость и бороться с тем, что вызывало обоснованное недовольство и недоверие прихожан, приносило семье только

¹ Тетради М.Б. частично утрачены.

новые невзгоды и оборачивалось преследованиями со стороны обвиняемых и их покровителей. Частые переезды семьи, связанные с переменой приходов и назначений, привели к гибели двух малышей, не выдержавших тягот переездов и горных дорог. Одновременно возникали трудности с ведением домашнего хозяйства, своевременным получением жалованья, постоянной неустроенностью жизни. Назначения на должность инспектора церквей по Среднеазиатской епархии, редактора Епархиальных ведомостей создавали новые сложности и только ещё больше осложняли жизнь многочисленной семьи. Многие черты твердого, непреклонного характера отца, также как и матери, Анны Афанасьевны, великой труженицы, мужественно переносившей все невзгоды и никогда не роптавшей на свою судьбу, перешли и к детям. Юной Ксении от родителей достались в наследство порядочность, доверчивость к людям, скромность, романтическая вера в силу добра, и вместе с тем – твердость характера, принципиальность, трудолюбие и неутомимость в работе.

Влияние в семье отца было очень значительным. Правдолюбец и искатель истины, проповедник добра и красоты, он имел явные гуманитарные склонности и был достаточно образованным человеком: много читал и, помимо богословия, уделял особое внимание истории, философии, биологии и даже математике, хорошо знал современную ему художественную литературу. Наряду с прямыми служебными обязанностями он, сотрудничая с прессой, часто публиковал статьи по гуманитарным проблемам, некоторые его работы выходили отдельным изданием. Например, его особенно заинтересовала легенда о затонувшем городе на дне озера Иссык-Куль. Он собрал значительный материал об озере и его окрестностях, специально приезжал в Иссыккульский монастырь к настоятелю для работы с имеющимися там архивами и по итогам своих изысканий выпустил отдельной книжкой очерк об Иссык-Куле, о сложенных о нем легендах и его реальной истории.

Гуманитарные интересы отца не прошли мимо детей, они во многом сформировали направленность их будущей деятельности. Старшая дочь Нина впоследствии закончила педагогический институт по филологическому факультету, и, обретя собственную семью, осела в Уфе, посвятив свою жизнь преподаванию русской литературы в Башкирском государственном педагогическом институте, где, защитив кандидатскую диссертацию, получила звание доцента. Её сын, Георгий, в первые же дни Великой Отече-

ственной войны ушел на фронт, был связистом, вернулся с войны живой в орденах и медалях в звании капитана, но в результате кровоизлияния в мозг был разбит параличом, попал в клинику как неизлечимый больной. У Георгия есть взрослая дочь, она замужем и живет со своей семьей в небольшом уральском городке.

На среднюю по старшинству дочь Юлию большее влияние, чем отец оказала мать. Именно она держала в своих руках всё хозяйство по дому, заботилась о том, чтобы земля приносила хорошие урожаи, сама подбирала семена и рассаду, ухаживала за садом и огородом. И первой её помощницей всегда была Юлия. Вряд ли следует считать случайностью, что, уехав по настоянию отца в Петербург для поступления на Бестужевские – Высшие Женские – курсы, она избрала для себя биологию и химию. Именно эти предметы она вела позже и в сельской школе, куда её направили после окончания Курсов. Волею судьбы свой первый педагогический опыт она накапливала в Гуляй-Поле. Там ей довелось повидать и батьку Махно, который, узнав, что она учительница, и увидев, в каком тонком пальтишке она ходит по заснеженным улицам села, бросил ей с саней, проезжая мимо, теплую меховую шубу со словами «Смотри, учителька, не замерзни!». Позже, уже в Баку, Юля вышла замуж за талантливого и хорошо образованного инженера-нефтяника Л.П. Белова и вскоре уехала с ним в Москву, где он получил место и стал преподавателем, позже – доцентом Московского государственного института нефти, а Юлия, его супруга, посвятила свою жизнь преподаванию химии и биологии в техникуме при институте. Её сын, Юра Белов, в первый же год войны ушел на фронт, был танкистом и погиб в 1941 году. На месте сражения сохраняется его могила как память о войне.

У Михаила Банифатьевича и Анны Афанасьевны был и сын Михаил, который стал талантливым журналистом, но, тяжело заболев, рано умер.

Маленькая Ксения, испытав сильное влияние отца, также посвятила себя гуманитарным наукам – филологии, а затем – истории.

Тяжелые условия работы и неорганичная для семьи среда священнослужителей постепенно стала вызывать у Михаила Банифатьевича чувство отчужденности и неприятия: слишком часто он наблюдал недобросовестность и недобропорядочность служителей церкви и чувствовал бесперспективность борьбы с ними и их покровителями. В результате в нем зародилось не только сомнение в искренности служителей церкви, но и в истинности са-

мой религии. После долгих тяжелых раздумий в феврале 1917 года, по исполнении 50-ти лет, он принял трудное решение о снятии с себя сана священника и возвращении к светскому образу жизни. Вслед за этим семья, боясь преследований со стороны церкви и церковных служителей, покинула Среднеазиатскую территорию России и переселилась в мусульманский анклав и его столицу – Баку. Они поселились в просторном помещении на Эриванской ул., д. 3/5 (дом НКСО).

Этот поступок отца и переезд в Баку глубоко затронул сознание как взрослых, так и детей; в дальнейшем никто из её членов не был религиозно настроенным человеком. Думаю, что именно с этим событием было связано и то, что К.М. всю свою жизнь столкнулась религиозной проблематики, мало интересовалась историей христианства. Вероятно, в силу тех же причин она, будучи ученицей Вяч.И. Иванова, оказалась невосприимчивой к религиозно-мистическим темам и мотивам его творчества. Также точно, когда после смерти С.И. Ковалева, в последние годы жизни занимавшего пост директора Музея истории религии и атеизма (находившегося в те годы в Казанском соборе), ей предложили занять эту должность, она наотрез и безоговорочно отказалась.

Баку

Период, на который пришёлся приезд семьи Колобовых в Баку, был неспокойным. Общая обстановка в Азербайджане уже и в момент переезда семьи была тревожной. Имперская администрация бежала, а к власти в ноябре 1917 года пришли большевики, провозгласившие создание Бакинской коммуны. Но не успела ещё окрепнуть новая власть, как в июле-августе 1918 года при поддержке англичан и турок был поднят мусаватистами мятеж, и власть перешла к фанатикам-националистам. В автобиографической поэме, написанной юной Ксенией в эти годы, хорошо отображается духовная атмосфера тех лет.

По сюжету поэмы юная К. вошла в чайхану, чтобы выпить чашку ароматного чая; подошедший к её столику чайханщик, не раз угощавший её этим традиционным напитком, тихо предупреждает о грозящей опасности – готовящемся мусаватистском восстании:

Невеселый голос поет,
В Чай-хане меня зазывает.
– Дайте горького, черного чаю.

Я сегодня весь день скучаю.
Может здесь, под зурну – пройдет.

– Ты о чем говоришь, хозяин?
Доливай полнее стакан!
– «Я, ханым, мал-мал понимаем
Русского языка.

Русски народ некароший,
Яман, чох яман, ханым.
Зачем они взяли лошадь,
Сняли чадру с жены?

Не ходи по улицам, ханым.
Ночи тёмные теперь.
Не ходи, ханым,
Не видать луны,
Крепче затворяй дверь».

Смутно чую: недаром хозяин
Шепчет мне про темную ночь...
«Большевиков не знаем,
А ты мне – как дочь!»²

Во время мятежа юная Ксения спрятала в сарае во дворе своего дома двух большевиков, спасавшихся от преследования группой мусаватистов. Ворвавшиеся во двор мусаватисты схватили её и потребовали указать, где она спрятала преследуемых. Поскольку она молчала и отказывалась отвечать, то её швырнули к забору с намерением тут же расстрелять. Но в этот момент из своего укрытия выскочили двое и, безоружные, напав на мусаватистов, крикнули ей: «Беги!». Она бросилась в дом, но вдогонку ей раздался выстрел – прострелили руку, а затем, убегая, она услышала несколько беспорядочных выстрелов по спасшим её безоружным людям. Этот эпизод на всю жизнь закрепился в её памяти.

Весной 1920 года городом вновь овладели большевики, и 28 апреля была провозглашена Азербайджанская республика. Однако не сразу политическое и экономическое положение молодой Республики стало стабилизироваться: ещё не окрепли органы государственной власти, продолжались перебои с доставкой продовольствия, разладилась система промышленного производства и до-

² Сверено с рукописью К.М.; печатается впервые.

бычи нефти, на улицах время от времени ещё слышалась стрельба, мусаватистские, националистические группировки, бандитские объединения всё ещё пытались вернуть себе контроль над городом. В 1920 году в Баку приехал С.М. Киров, чтобы помочь руководству стабилизировать обстановку и укрепить власть.

Несмотря на то, что Михаил Банифатьевич как грамотный, образованный человек был принят на работу в аппарат С.М. Кирова, положение семьи Колобовых, как и многих других семей в Баку начала 20-х годов, оставалось трудным. Перебои в зарплате и выдаче пайков служащим, незначительность своего хозяйства в городских условиях ограничивали возможности семьи, хотя не только взрослые, но и повзрослевшие дети как могли помогали своими работками. Возникли и новые тревожные обстоятельства: на Михаила Банифатьевича было совершено покушение: в него стреляли прямо с порога квартиры в гостеприимно открытую Анной Афанасьевой дверь. Пуля просвистела мимо, едва не убив младшую дочь Ксению, находившуюся в коридоре за спиной отца. На работе Михаил Банифатьевич проявил себя как неплохой организатор, много сделавший для решения продовольственной проблемы в Баку и Азербайджане, за что получил личную благодарность от С.М. Кирова. Но экономическое положение семьи оставалось трудным. К тому же напряженный темп жизни и большие перегрузки начали сказываться на здоровье Михаила Банифатьевича, и в 1926 году он перешел на более спокойную работу, заняв должность Управляющего делами и Секретаря Правления Бакинского политехнического института им. Азизова. Однако здоровье продолжало ухудшаться, он начал часто болеть и совсем слёг, получил свидетельство об инвалидности (у него случилось что-то с ногами и он почти полностью потерял способность передвигаться) и несмотря на то, что ему всё ещё продолжали платить жалованье и не увольняли с работы – в июле 1929 года он подал заявление об увольнении: перспективы поправиться и вернуться к работе он больше не видел. Прикованный к постели, он несколько лет записывал в небольшие часто самодельные тетради всё, что он видел и знал, свои раздумья, все свои богатые впечатления от прожитой жизни. Эти очерки говорят о его замечательном литературном таланте, но, к сожалению, не все эти тетради удалось сохранить – часть из них погибла³.

³ В настоящее время сохранившиеся тетради и записи приводятся в порядок и готовятся к изданию.

В связи с переездом семьи в Баку гимназическое образование Ксении, которое было начато в Туркестане, прервалось, чтобы продолжиться уже в Азербайджане.

В 1926 году в сборнике стихов «Норд» (Баку, 1926) литературного объединения «Чаша», в которое входила и К.М., было опубликовано стихотворение К.М., в котором она с грустью вспоминает о Туркестане, где прошло её детство; вероятно, не раз в Баку она возвращалась мыслями в своё далекое детство и юность. В стихотворении есть и такие строчки:

Запоешь, заплетешь змеёю
Неизбывной знойной тоски...
И я вспомню своё, родное –
Тихий ход туркестанской реки,

Как плывут полосатые барки,
Разрезая вечерний туман,
А наутро – свободный и яркий,
Как бухарский халат, Туркестан⁴.

Вяч.И.Иванов в творческой судьбе и жизни К.М.

Школьное образование в Баку было продолжено и завершилось уже в Баку, в русской женской гимназии. После её окончания юная выпускница подала сразу два заявления на поступление сразу в два вуза – Бакинский театральный институт и Бакинский университет без особой надежды на удачу и поступление в вуз. Однако всё обернулось иначе: её готовы были принять и в тот и в другой вуз. Позже она вспоминала, как пришла в приемную комиссию Бакинского театрального института в огромных с чужой ноги ботинках, так как денег в семье на покупку одежды и обуви детям не хватало, на ней было какое-то не по росту платье с чужого плеча. Её это не смущало и она бойко, эмоционально, с большим подъемом прочитала для Приемной Комиссии какие-то стихи. Слушающим её специалистам она понравилась и была зачислена на первый курс. Но случилось так, что она успешно прошла испытания и в Бакинском университете, в силу чего также была принята и зачислена на первый курс историко-филологического факуль-

⁴ См.: Норд. Сборник стихов. Баку, 1926; подробнее о сборнике «Норд» и литературном объединении «Чаша», в состав которого входила и К.М., см. подробнее: Мануйлов В.А. Записки счастливого человека. СПб., 1999. С. 79, 80-81, 93.

тета. Пришлось выбирать: посоветовавшись с родителями, она выбрала университет. Так было положено начало её дальнейшей судьбе.

Между тем жизнь в Баку и Республике постепенно нормализовалась. Начали свою деятельность вновь образованные учреждения культуры, заработали издательства, одно за другим стали открываться учебные заведения, вновь загорелись факелы на нефтяных вышках, стало налаживаться снабжение населения продовольствием, затихли на улицах выстрелы, оживилась торговля. Из разных концов России и Украины в Баку потянулась русская интеллигенция.

В 20-е годы здесь на концертных площадках выступали молодые музыканты, в том числе и еще не известный любителям музыки пианист В.С. Горовиц, в аудиториях университета и в клубах звучали голоса С. Городецкого, С. Есенина, А. Крученых, В. Маяковского, Вс. Рождественского, Н. Тихонова, В. Хлебникова и др. В учебных заведениях и учреждениях культуры постепенно стали складываться свои профессиональные кадры талантливых педагогов. В городе начала формироваться особая духовная атмосфера, побуждавшая к активной интеллектуальной жизни и творчеству. Особая экзотика Востока органично сочеталась с традициями, которые привезли с собой представители крупных культурных центров России, включая Санкт-Петербург (в то время уже переименованный в Петроград) и Москву. Именно эта атмосфера оказала сильное влияние и на юную студентку-первокурсницу Колобову Ксению, тем более, что её учителем и наставником в университете стал Вяч.И. Иванов.

Историк и филолог, философ и поэт Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949) имел обширные знания не только в области античной истории и литературы, но и в области западноевропейского средневековья, русской и западноевропейской классики, внимательно следил за явлениями современной ему русской и зарубежной литературы, особенно – поэзии. К моменту приезда в Баку он был уже достаточно известен в России и за рубежом. Он был прекрасно образован, знал многие европейские языки и, как было известно, являлся одним из последних учеников немецкого историка-античника Т. Моммзена (1817-1903), иностранного почетного члена Петербургской Академии Наук (с 1893 г.), а в России – блестящего специалиста по средневековой Англии, действительного члена Петербургской Академии наук (с 1914 г.) П.Г. Виноградова

(1854-1925), работавшего с 1902 г. по 1908 г. и с 1911 г. по 1925 г. в Великобритании: получив определенную подготовку в Петербурге, В.И. Иванов неоднократно встречался с ним и за рубежом. Особенно ярко В.И. проявил себя в годы пребывания именно в Петербурге, где его квартира на Таврической улице (т. наз. Башня) в 1910-е годы стала едва ли не главным местом, собиравшим обширный круг творческой интеллигенции. Здесь, на Таврической, велись нескончаемые дискуссии и споры о литературе и судьбах России, читались стихи, отрывки из прозаических и философских сочинений, обсуждались журнальные статьи и тут же сочинялись новые.

В Баку В.И. приехал из Москвы (с заездом по пути в Кисловодск), где пережил дни Октябрьской революции и начало Гражданской войны. Нелегкие это были годы для В.И.: ему пришлось пережить в короткий московский период смерть недолго прожившей с ним Веры Константиновны, в те годы его жены после невосполнимой утраты Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, а затем – и смерть Марии Михайловны Замятниной (Маши), бессменной домоправительницы в семье и доме Ивановых. В его московской квартире зимой не работало отопление и стены внутри покрывались инеем; в городе были перебои с питанием и не было необходимых лекарств для лечения семьи и сына⁵. Обещанный А.В. Луначарским выезд за границу вместе с семьей по нелепой случайности не состоялся. Боязнь за здоровье и жизнь детей неумолимо влекла его на юг, где обстановка относительно стабилизировалась, и можно было надеяться поправить здоровье как свое, так и детей (дочери и особенно – сына).

Баку встретил В.И. Иванова и его семью радушно и хотя с жильем в городе было плохо, но комнатку в корпусе университета на первый случай удалось выкроить. И работа и для В.И. Иванова и для дочери, только что окончившей Московскую консервато-

⁵ Дочь В.И. Иванова Лидия в своих воспоминаниях об отце писала о первых послереволюционных годах в Москве: «Жизнь стала быстро ухудшаться. Продовольствие исчезало. Стало труднее отапливать дома... Вячеславу отвели полквартиры в б. Афанасьевском пер., куда мы переехали. Квартира была меблирована и кем-то покинута; нам дали в ней три комнаты и общую с соседями кухню. Это был, если не ошибаюсь, 1918, и квартира одну зиму была теплая. На следующий год отопления уже не было и в ней. Переезд в новую квартиру не намного улучшил положение в семье. По углам комнат виднелся иней, трубы лопнули» (см.: Иванова Л.В. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 77-78)

рию, нашлась сразу. В.И. Иванова пригласили в недавно открытый Бакинский университет, а дочь Лидию направили в только что образованную на базе музыкальной школы Бакинскую консерваторию, где она явилась едва ли не первым высоко профессиональным педагогом и музыкантом. Позже Л.В. Иванова вспоминала: «Оказалось, что в Баку, незадолго до нашего приезда, был основан университет. Ядро его состояло из группы профессоров Тифлисского университета, так как во время краткого национального правительства в Грузии все русские профессора были изгнаны. Постепенно в Бакинский университет начали съезжаться профессора из разных городов. Из Казани, например, приехала целая группа (на Волге тогда был лютей голод)»⁶.

Один из сокурсников К.М. – Моисей Семенович Альтман, позже – доктор филологических наук, профессор, автор многочисленных статей и ряда книг, посвященных античной и русской литературе, также отмечает достаточно высокий уровень квалификации университетских кадров: «... университет в Баку, – пишет он, – был тогда замечательным. Из-за гражданской войны и сумятицы в России в Баку приехало множество ученых, среди них и некоторые выдающиеся. Ректором университета был Давиденков, знаменитый хирург, лечивший, между прочим, самого Ленина. Профессорами были: В.В. Сиповский (по русской литературе), Маковельский, автор «Досократиков» (по философии), Томашевский, позже заместитель министра народного просвещения в Азербайджане, а ещё позже ректор университета в Петербурге-Ленинграде (по языкознанию), Гуляев (по философии), Лопатинский (по латыни), и целый ряд выдающихся ассистентов»⁷.

Другой сокурсник К.М. – В.А. Мануйлов, впоследствии – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института русской литературы (ИРЛИ) АН СССР, добавляет: «... занятия на историко-филологическом факультете проходили по вечерам, и я имел возможность почти всегда присутствовать на лекциях известных профессоров: Л.А.Ишкова, Ф.Фридолина, А.О. Маковельского, А.Д. Гуляева, А.В. Багрия, Е.И. Байбакова и др.»⁸

Прибыв в Баку, В.И. с первого же дня стал активным участником культурной жизни: 18 ноября 1920 года его уже видели в Ба-

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 309.

⁸ Мануйлов В.А. Записки счастливого человека. СПб., 1999. С. 77.

кинском театре, а 19 ноября научная сессия Азербайджанского (Бакинского) университета тайным голосованием его выбирает на должность ординарного профессора⁹ по кафедре классической филологии историко-филологического факультета, а Совет вуза ему поручает руководство кафедрой классической – филологии. «В Наркомпросе Вячеслава направили сразу в университет, – вспоминает Л.В. Иванова, – где его приняли с распростертыми объятиями. Ему поручили кафедру классической филологии. Он читал курсы по греческой и римской литературе и античной религии»¹⁰. Однако В.И. не ограничивался в чтении своих авторских курсов исключительно античностью. В.А. Мануйлов свидетельствует: «Самым выдающимся среди филологов был Вячеслав Иванович Иванов. Я посещал все курсы, которые он читал, и был секретарем его семинаров по поэтике и по творчеству Пушкина»¹¹.

С первых же дней учебы в университете К.М. становится слушательницей и участницей семинаров В.И. Иванова как студентка историко-филологического факультета. Можно с высокой долей уверенности предположить, что интересующийся литературой отец, старшая сестра, получавшая филологическое образование, брат-филолог, впоследствии – журналист, не могли не знать поэзию русских символистов В.Я. Брюсова и В.И. Иванова, А. Белого и А.А. Блока. Появление Вячеслава Ивановича Иванова в Баку и Бакинском (Азербайджанском) университете было, вероятно, сюрпризом для всех – и преподавателей и студентов. И дни появления Вячеслава Ивановича и его семьи в Баку в осень 1920 года были одновременно и днями встречи со своими студентами. Жаль, что не сохранились и были уничтожены К.М. в более поздние годы¹² её дневники, которые могли бы ярко осветить первые впечатления от Вяч.И. Иванова и его пребывания в Баку. Однако изданы записи других учеников и слушателей В.И., на которые есть возможность опереться.

⁹ Лаппо-Данилевский К.Ю. О «Разговорах с Вяч.Ивановым» М.С.Альтмана: Комментарии // Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 124.

¹⁰ Иванова Л.В. Воспоминания.... С. 92.

¹¹ Мануйлов В.А. Воспоминания.... С. 77.

¹² Дневники были уничтожены в петербургский период в связи с опасностью ареста, поскольку упоминание о друзьях и знакомых могли спровоцировать новые аресты.

В.И.Иванов, сразу оказавшись в обстановке всеобщего интереса и почитания, стал кумиром бакинской и, особенно, университетской молодежи. Чего стоило одно только погружение своих слушателей в мир античности, раскрывший перед первокурсниками высокую интеллектуальную значимость и особое обаяние прежде всего греческой культуры, её языка, философии, литературы, искусства, а затем и более строгой, сдержанно-скупой и многозначительно-громогласной культуры Древнего Рима. Не ограничиваясь этим, Вячеслав Иванович увлеченно вел курсы, посвященные теоретическим проблемам и особенностям русской и западноевропейской поэзии, Пушкину, Гете, новым течениям в современной литературе; «профессор Иванов читал лекции не просто добросовестно и с надлежащим запасом учености, – вспоминает Ф.Ф. Зелинский, – но и с вдохновением, любовью к своему предмету. Именно поэтому аудитория у него всегда была полной»¹³.

Можно представить себе, каким контрастом всему пережитому явилась для юной студентки её новая жизнь в университете. И важным событием, которое сыграло едва ли не главную роль во всей её дальнейшей судьбе, была именно эта встреча, позволившая ей – ещё вдали от Санкт-Петербурга – почувствовать его притягательную силу, ощутить то особое состояние ума, когда пересекаются тонкое, глубокое знание предмета, философское сомнение и умение дать новую, свежую интерпретацию казалось бы уже застывшему, отвердевшему факту и, наконец, поэтическое въедение, облагораживающее и очищающее предмет, одновременно приближая его к нам, соединяя с нашими чувствами и тем самым во много раз увеличивая его духовную, человеческую ценность.

Вероятно, и сам Вячеслав Иванович уже чувствовал, что азербайджанский период составляет последние несколько дарованных ему лет пребывания хотя и в Азербайджане, но всё же ещё в России, среди своих учеников и друзей. Он уже понимал, что покинет Родину и, возможно, навсегда. После бурного Петербурга-Петрограда вынужденное московское бездействие, отягощенное тяжелыми потерями и страхом за своих близких, за их здоровье и безопас-

¹³ Зелинский Ф.Ф. Иванов Вячеслав. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923 (по-русски). 299 стр. // Вячеслав Иванов: творчество и судьбы. Отв. ред. А.А.Тахо-Годи, Е.А.Тахо-Годи. М., 2002. С. 246; о его искусстве лектора см. также: Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 124-125; Котрелев Н.В. Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, т. IX, вып. 209. Тарту, 1968. С. 326-339; и др.

ность, само по себе уже создавало почву для повышенной активности Вячеслава Ивановича. Внезапно в Баку он получал широкое поле педагогической и творческой деятельности, благоприятно окруженный почитающей его молодежью. А если к этому ещё прибавить понимание и острое чувство близкой разлуки с Россией, то его творческая энергия и активность в общении с окружением, жадно вслушивающимся в его лекции, семинары домашние беседы, должны были во много раз возрасти, как это и случилось.

Жизнь В.И. Иванова в Баку постепенно приобретает все более активный, интенсивный характер. Здесь он работает над своей докторской диссертацией, и в 1921 году на основе обсуждения ещё неполной рукописи его монографии «Дионис и прадионисийство» ему присуждается на Коллегии университета ученая степень доктора филологии¹⁴. Через два года университет издает полный текст его монографии¹⁵, ставшей едва ли не самым значимым его теоретическим трудом в области античной культуры. Откликнувшись на это издание, Ф.Ф.Зелинский писал о В.И.: «Что касается личности автора, перед нами один из последних учеников Моммзена – *aspice, quam longi temporis acta sanan*. Он уже собирался окончить учебу в Берлинском университете и получить докторскую степень за работу о налогах – когда потрясения, о которых здесь не стоит говорить, увлекли его на другую дорогу. Стал он лирическим поэтом, очень влиятельным, вождем того направления, которое можно назвать российским александринизмом. Впрочем, этот термин не исчерпывает его значения, так как недостаточно того, что он соединял поэзию с ученостью и писал стилем Эвфориона и Ликофрона, с явным предпочтением архаизмов, славянизмов и самостоятельно созданных дивных, часто поражающих, однако всегда уместных и полных глубоких мыслей слов, – он развивал это философское начало в мистическом духе. Ну, а теперь он профессор классической филологии... в Баку, факел Диониса пылает среди нефтяных огней в столице Азербайджана. Кафедра классической филологии, распушенная везде в бывшей России, сохранилась или, вернее, основана в этой татарской (в дореволюционной России азербайджанцев именовали татарами – В.С.) республике. И настоящая книжка – докторская

¹⁴ См.: Лаппо-Данилевский К.Ю., О «Разговорах с Вяч. Ивановым». С. 141; см. также: Зелинский Ф.Ф. Иванов Вячеслав. Дионис и прадионисийство... С. 246.

¹⁵ Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

диссертация автора, напечатанная благодаря любезности азербайджанского народного комиссариата... является, может быть, наибольшим из всех чудес Диониса»¹⁶.

Заключая свою характеристику В.И. Иванова, в конце своей рецензии он написал: «Ученость автора прямо поразительна не только в греческой, но и вообще в религиологии; к тому же ученый в нем соединяется с поэтом и философом, а это всё, вместе взятое, сделало из его диссертации, написанной очень изысканным языком, книжку и полезную и приятную для чтения».¹⁷

Период работы в Бакинском университете для Вячеслава Ивановича, вероятно, на всю жизнь оставался как один из самых значимых и ярких эпизодов его творческой биографии. Здесь он ведет множество различных семинариев, лекционных курсов, коллоквиумов, собирает у себя в небольшом помещении квартиры наиболее близких учеников и друзей и ведет с ними долгие творчески насыщенные и интеллектуально напряженные беседы. Помимо этого – публичные лекции, участие в торжественных собраниях и заседаниях в университете, в городских мероприятиях, литературных объединениях, в дискуссиях о поэзии и литературе, а также накапливается немалый багаж написанных стихов, частично публикуемых в эти же годы, накапливаются переводы античной классики, непрерывно идут личные беседы и встречи. Он спешил вобрать в себя то, чем являлась для него Россия, и вместе с тем он осознавал и себя, через то уважение, почитание и любовь, какими был окружен, и спешил отдать, раздарить, как можно больше оставить себя здесь, в этих окружающих его людях.

Особое значение для В.И. имели занятия, беседы и встречи со своими близкими учениками, в число которых в Баку входило немалое количество людей, но наиболее близкими ему были М.С. Альтман, В.А. Мануйлов, Е.А. Миллиор; среди них заметно выделялась и К.М. Колобова¹⁸. Позже, в период своего пребывания в Риме, не теряя связи со своими бакинскими друзьями и учениками, он постоянно будет интересоваться делами и судьбами своих воспитанников.. Комментируя переписку В.И. Иванова с С.В. Троицким, К.Ю. Лаппо-Данилевский отмечает: «... из писем С.В. Троицкого видно, сколь важна была для него поддержка друга

¹⁶ Зелинский Ф.Ф. Иванов Вячеслав. Дионис и прадионисийство... с.246.

¹⁷ Там же. С. 247.

¹⁸ К.М. выделяют среди наиболее близких и перспективных учеников В.И.Иванова, не сговариваясь, многие историографы этого периода.

(т.е. В.И. Иванова – В.С.), которому он регулярно сообщал новости университетской (т.е. Бакинского [Азербайджанского им. В.И. Ленина] университета – В.С.) жизни, которого информировал об успехах учеников (К.М. Колобовой, Е.А. Миллиор, В.А. Мануйлова) в науке и поэзии и т.д.»¹⁹. М.С. Альтман здесь не упоминается, поскольку он к этому времени уже закончил свою учебу в университете и еще в мае 1923 года обустроился в Ленинграде, поступив в аспирантуру к академику Н.Я. Марру в ГАИМК⁷е.

О широте интересов В.И. и размахе его научной и педагогической деятельности в Баку можно судить, например, и по записям М.С. Альтмана. В его «Дневниках» от 1919-1924 гг. мы читаем: 1 декабря 1920 года: «Вчера слушал первую лекцию Вяч. Иванова о греческой трагедии»; 13 декабря 1920 года: «Учусь. Всё больше, глубже вхожу в воронку филологии. По латыни – Горация, по греческому – Эсхила изучаю. Вожатый – Вяч. Иванов»; и далее – неожиданное – 15 декабря 1920 года: «Вячеслав Иванов читает курсы о греческой трагедии, Данте, Достоевскому, Горацию и Эсхилу»; от 25 декабря 1920 года: «Я, помимо общих с Вяч. Ивановым занятий (Гораций, Софокл, Данте, Достоевский), ещё отдельно занимаюсь с ним по-гречески и итальянски»²⁰. Возвращаясь к далеким годам встреч с В.И. Ивановым, М.С. Альтман вспоминает о том особом отношении, которое складывалось между Вячеславом Ивановичем и теми, кого он считал наиболее близкими ему, а, следовательно, и его главными учениками. «Четыре года он был для нас всем: в университете – профессором классической филологии, поэтики, мировой литературы, – вспоминал М.С. Альтман. – Четыре года, до самого отъезда в Италию... читал в университете курсы по самым различным дисциплинам: по греческой трагедии, по Ницше, по Достоевскому, по Пушкину, по исторической и теоретической поэтике, по Данте и многое др. То было страшное время: война, голод, мор томили население. Мы жили на скуднейшем продовольствии, на хлебных пайках, занимались экономией. Но никогда, быть может, так явственно не обнаружилось, что не хлебом единым жив человек, но еще и словом. И на «слово» В.И., как на зов сирены, стекались самые разнообразные люди. Лекции В.И. выходили далеко за рамки чисто академические и приобретали значение общественного факта. Но влияние шло не только вширь, но, если позволено так выразиться, и вглубь. «Ловец душ», он быстро

¹⁹ Лаппо-Данилевский К.Ю. Комментарии в кн.: Альтман М.С. Беседы с Вячеславом Ивановым. СПб., 1999. С. 180.

²⁰ Альтман М.С. Беседы с Вячеславом Ивановым... С. 228-229.

оброс друзьями и учениками, с которыми вступил в самые близкие и тесные отношения... В течение четырех лет мы виделись почти ежедневно, и беседы наши длились далеко за полночь»²¹.

Погружая своих учеников в поэтический и интеллектуально насыщенный культурный мир Древней Греции, увлеченно знакомя их с литературой, духовной жизнью далеких, а иногда и близких эпох, В.И. Иванов, возможно, и сам на время забывал о современности с её неопределенностью, неустойчивостью и неизменными тяготами повседневной жизни.

Его постоянным требованием, обращенным к своим ученикам, было умение полноценно распорядиться своим временем, не тратя ни минуты впустую. Он хотел видеть и понимать, что каждый его ученик осуществляет ежедневно всё новые и новые шаги в своем интеллектуальном развитии: он считал, что интенсивный интеллектуальный рост, неустанная тренировка мысли являются неотъемлемой обязанностью для каждого из них. К.М. не раз вспоминала, что, регулярно собирая избранный круг своих учеников, он требовал от каждого полный отчет о том, как было использовано предоставленное ему время для интеллектуального развития, какие новые впечатления и мысли обогатили его, и горе тому, кто провел впустую отпущенные ему часы и дни. Нерадивый ученик мог быть изгнан из круга его приближенных учеников тут же, немедленно, без права на прощение.

Своих студентов он упорно приучал к постоянной внутренней работе над собой, к непрерывной, интеллектуальной активности. Он воспитывал в своих учениках способность воспринимать факты истории и культуры как непреходящие ценности, учил их умению осмысливать историческую реальность, всё добытое и понятое, включая свои наблюдения и выводы в контекст современной жизни и тем самым делая их значимыми и близкими людям вне исторического времени и пространства. В этом заключалась и особая сила его школы, что впоследствии сказалось в работах его учеников.

Семинарские занятия не имели четкого регламента и могли спокойно перемещаться из учебной аудитории в квартиру мэтра, благо она находилась в том же здании университета. Споры, дискуссии могли происходить до тех пор, пока они не прерывались наступлением ночи или приближением утра. Особенностью этих встреч были непринужденность, искренность, обоюдная увлеченность идеями и

²¹ Альтман М.С., Беседы с Вячеславом Ивановым... С. 14-15.

событиями далекого, но столь славного времени. И, несомненно, именно в эти четыре года непрерывного общения с В.И. Ивановым начинается формирование К.М. как античника, но не в качестве суровато-строгого педанта-ученого, а как специалиста широкого профиля. Он ценил в своих учениках филологический строй мысли, поэтическую игру воображения, философскую проникновенность. Он учил их и среди развалин древних Афин видеть полный жизни великолепный город – город политиков, поэтов, воинов и моряков, философов и художников, свободнорожденных и находящихся в рабстве. В научном и педагогическом творчестве К.М., в её лекциях и семинарах, занятиях языком²² мы находим как филологические²³, так и философские аспекты. И многим работам в равной степени свойственны и увлеченность искателя истины, и поэтическая романтика в воссоздании прошлого, и кропотливая дотошность историка. Стремление выйти за рамки сугубо фактологического исследования проявилось у К.М. в изданиях учебного и популярного характера²⁴. Не угас и её поэтический талант, но поэзия с годами приобретает локальную тематику, связанную с внутренними заботами сектора древней истории ГАИМК, чаще всего – шутивно-дружеского направления²⁵. Позже, уже на кафедре истории Древней Греции в

²² См., напр.: Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 450.

²³ Колобова К.М. Разговор Ломоносова с Анакреоном. // Вестник ЛГУ, 1951, № 2.

²⁴ См. также: Колобова К.М., Озерецкая Е.Л.: 1) Олимпийские игры. Л., 1957; 2) Как жили древние греки. Л., 1959; Kolobova K.M., Ozeretzkaia E.L. Cum traiaiu vechii greci. Bucuresti – R.P.R., 1961; и др..

²⁵ Так, по случаю выполнения плановых научных работ были написаны К.М. следующие шуточные строки для своих коллег по сектору:

Югер за югером вспахивал Отто Оскарович Крюгер,
Труд восстающих рабов личным трудом заменя.
Жирно гектар за гектаром удабривал поле Кагаров,
Из картошек вывозя всё, что полезно зерну.
Чудо! На ниве античной чудесные всходы восходят,
Но вместо теста в квашне зашевелился Прыжов.

В первом двустишии отражена соответствующая тематика плановой научной работы О.О. Крюгера, занимавшегося восстаниями рабов, во втором двустишии – работа Е.Г. Кагарова, написавшего главу о сельском хозяйстве в Древней Греции (История древнего мира, т.2. Древняя Греция, ч.1. М., Соцгиз, 1936), а в третьем – внеплановый выход из печати монографии М.С. Альтмана «Иван Иванович Прыжов» (Л., 1936).

ЛГУ, которой бессменно заведовал С.И. Ковалев, было заведено при проведении веселых праздников и застолий на квартире проф. С.И. Ковалева или же принимая коллег и шумную ватагу молодежи в тесной квартире К.М.²⁶, где каждого присутствующего принято было отмечать шутливыми или лирически-грустными, иногда торжественно-праздничными стихами К.М.

Оценивая фигуру и талант В.И. Иванова, Ф.Ф. Зелинский еще в 1916 году написал: «... в настоящее время поэт античности должен быть в значительной степени и исследователем, притом исследователем добросовестным и терпеливым»²⁷. Через 60 лет подобную оценку выскажет и С.С. Аверинцев, отмечая у В.И. «умение претворять радости филолога или археолога в поэзию»²⁸. И этот урок сочетания «поэзии» и «прозы», «строгого» исследования и его творческой «интерпретации» был также воспринят учениками В.И. Иванова: многие из них, испытав влияние В.И. и оставаясь серьезными исследователями, вместе с тем занимались литературой, писали стихи, философствовали и сохраняли в себе живой ум и поэтическое чутьё.

Окруженный своими учениками, В.И. Иванов сообщал Т.М. Гревсу в письме от 12 мая 1922 года: «Университет, где я занимаю кафедру классической филологии, мне мил. Он имеет около 2000 студентов, достаточное число действительно выдающихся ученых сил, работает дружно всеми своими аудиториями, семинариями, лабораториями и клиниками, печатает исследования, пользуется автономией и, по нашему времени, представляет собою зеленеющий маленький оазис среди академических развалин

²⁶ Часто праздничное застолье собиралось на ул. Плеханова (ныне Казанская) в д.б, кв.19 (квартире К.М. и В.С.), куда помимо историков-классиков ЛГУ наведывался А.Ф. Лосев и А.А. Тахо-Годи, приходили и филологи, искусствоведы, М.С. Альтман с супругой и с тетрадкой новых стихов. С.А. Кочарян, усталый после очередного концерта в Ленинграде, где он со сцены читал «Илиаду» Гомера, «Шехерезаду», «Декамерон» Бокаччо и другие эпические произведения. Сейчас дом перестроен и на месте известной квартиры – гостиничный коридор и номера для командировочных РГПУ.

²⁷ Зелинский Ф.Ф. Вячеслав Иванов // Русская литература XX века (1890-1910). М., 1916, т.3, ч.2. С. 112.

²⁸ Аверинцев С.С. Вячеслав Иванов // Вяч. Иванов. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 60.

нашей родины... Вокруг меня ревностные ученики. Мы на юге, на широте Мадрида. Я доволен и Югом, и чисто иератической деятельностью. Будь только книги в достаточном количестве, и я бы ничего другого не хотел, как φιλολογεῖν καὶ φιλοκαλεῖν. Прошу за границу, обещают, говорят, денег нет...»²⁹

Отблеск Петербурга, эхо его интенсивной духовной жизни, отголосок первого десятилетия XX века, знакомая интонация и знакомый азарт коснулись бакинской земли. Приезд В.И. и его самозабвенная забота об учениках вызвали внезапный ответный подъем, энтузиазм молодых сердец, еще не затронутых и не испорченных жизнью, и умов, уже дерзающих открыть себе мир и постичь все его достоинства и несовершенства. Именно молодежь, активная, с удивлением и восторгом всматривающаяся в старшее поколение, алчущая неведомых ею знаний и разумений, пробуждающаяся к творческой самостоятельности, окружала В.И. в Баку, благодарно получая высокие уроки философии и духовности. Эта молодежь и должна была стать наследницей предьявленного ей богатства, намеревающейся жить, мыслить, искать, писать стихи, спорить, даже сумасбродствовать, но всегда сохранять свое человеческое достоинство и оберегать смыслы своего высокого призвания и присутствия на земле.

Для К.М. завершение учебы в университете уже происходило после отъезда В.И. за рубеж, в Италию, в Рим. Уже после отъезда В.И. выпускнице Колобовой Ксении Михайловне 19 июня 1927 года вручили Диплом об окончании Историко-Филологического Факультета Азербайджанского Государственного Университет имени В.И. Ленина, свидетельствующий о том, что с 1920-го по 1926-й год она прослужала курсы и успешно сдала экзамены с оценкой «весьма удовлетворительно» (т.е., «отлично») по следующим входящим в её аттестацию предметам: Логика, Введение в философию, Латинский автор, Введение в языкознание, Сравнительная грамматика индоевропейских языков, Древне-русский язык, История персидской литературы, История греческой литературы, История римской литературы, История западно-европейской литературы, История русской литературы, Поэтика, Древне-славянский язык. Пушкин, Греческий язык, История Греции, Греческий эпос, Геродот, Гомер, Платон, Греческая трагедия, История греческой религии, Гораций (спец.

²⁹ Цит. по: Лаппо-Данилевский К.Ю. О «Разговорах с Вячеславом Ивановым» М.С.Альмана // В кн.: Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 116.

курс), Катулл, Исторический материализм. Кроме того, как указано в Дипломе, выпускница «участвовала в просеминариях по древне-славянскому языку, по языкознанию, по Лермонтову и в семинариях по Гете, истории русской критики, Пушкину, Саллюстию и в двух семинариях по поэтике, а также выдержала испытания по немецкому и тюркскому (так назывался в то время азербайджанский – В.С.) языку». Далее указывалось, что зачетное сочинение (т.е. дипломная работа) – «Миф об Ифигении» – также оценено «весьма удовлетворительно» (т.е. «отлично»), в связи с чем К.М. «удостоена Историко-Филологическим Факультетом диплома первой степени»³⁰. Нетрудно догадаться, что большая часть названных дисциплин, семинариев и просеминариев вел непосредственно В.И.

Но связь В.И. и его бакинских воспитанников в дальнейшем не прерывалась: и М.С. Альтман, и В.А. Мануйлов, и Е.А. Миллиор, и другие менее известные воспитанники В.И., по имеющимся сведениям, не только имели постоянную переписку с В.И. и его семьей всю свою жизнь, но и были предметом постоянной заботы В.И., получавшего информацию об успехах и судьбах своих учеников не только непосредственно из их писем. К.М. также не прерывала контактов с Вячеславом Ивановичем и после его отъезда за рубеж.

На основе изучения дневников своего отца, дочь Вячеслава Ивановича Лидия Вячеславовна в «Воспоминаниях об отце» пи-

³⁰ Оценивая масштабность того влияния, которое оказывал на своих учеников В.И. Иванов, достаточно отметить круг занятий, проводимых им или находившихся под его контролем в ходе всего обучения по профилю подготовки филолога-классика. Почти с уверенностью можно сказать, что из 25 дисциплин, спецсеминаров, спецкурсов, перечисленных в Дипломе К.М., которые отмечены как пройденные за годы обучения в университете, В.И. Иванов был причастен к проведению по крайней мере 17-ти из них; это: 1) латинский автор; 2) история греческой литературы; 3) история римской литературы; 4) история западноевропейской литературы; 5) история русской литературы; 6) поэтика; 7) древнеславянский язык; 8) Пушкин; 9) греческий язык; 10) история Греции; 11) Геродот; 12) Гомер; 13) Платон; 14) греческие трагедии; 15) история греческой религии; 16) Гораций (спецкурс); 17) Катулл; 18) просеминарии по Гете, 19) истории русской критики, 20) Пушкину, 21) Саллюстию, 22-23) два семинара по поэтике (наверняка и просеминарии по Гете, истории русской критики, Пушкину и Саллюстию тоже вел В.И. Иванов: вряд ли он мог допустить кого-либо «чужого» для беседы по этим предметам со своими учениками). Не следует сомневаться в том, что научным руководителем Дипломного (зачетного) сочинения «Миф об Ифигении» у К.М. также был проф. В.И. Иванов.

сала и о его бакинских учениках, в частности – о К.М.: «Из близких учеников была также Ксения Михайловна Колобова (впоследствии – профессор истории в Ленинграде). Она была очень умная, писала стихи. Я с ней лично мало встречалась, но Вячеслав ею занимался, следил за нею и очень её ценил.

В дневнике Вячеслава под датой 1-е декабря 1924 года (т.е. через три месяца после нашего приезда в Рим) читаю: «Письмо от бедной Ксении. Как её встряхнешь? Надо написать ученикам»³¹.

Показательным является и эпизод со стихотворением В.И. Иванова «Палинодия». По этому поводу Лидия Вячеславовна вспоминает: «В 1927-ом году в Павии Вячеслав написал стихи «Палинодия»... Прочитав это стихотворение, Колобова послала Вячеславу в Италию страстные обвинительные письма, разгневанная его «изменой» античности»³².

Вот строки этого стихотворения, где В.И. в шуточной форме подвергает сомнению свою привязанность к образам и идеалам Древней Греции:

И твой гиметский мёд ужель меня пресытил?
 Из рощи миртовой кто твой кумир похитил?
 Иль в вешем ужасе я сам его разбил?
 Ужели я тебя, Эллада, разлюбил?
 Но, духом обнищав, твоей не знал я ласки,
 И жутки стали мне души недвижимой маски...

.....
 В урочный час ожив, личины полрой очи
 Мятёжною тоской неукротимой Ночи,
 Как встарь, исполнились – я слышал с неба зов:
 «Покинь, служитель, храм украшенных бесов».
 И я бежал, и ем в предгорьях Фиваиды
 Молчанья дикий мёд и жесткие акриды.

Действительно, в этих строках В.И. как бы ужасается своей прошлой привязанности к античному язычеству и отказывается от него. Что усмотрела в этих строках К.М.? Комментируя письмо К.М., полученное Вячеславом Ивановичем, Лидия Вячеславовна сообщает: «Палинодия» какими-то путями дошла до одной из самых блестящих и близких бакинских учениц Вячеслава, Ксении Колобовой, и глубоко взволновала и возмущала её. 16 ноября 1927 г. она пишет Вячеславу из Ленинграда: “Вы сами понимаете,

³¹ Иванова Л.В. Воспоминания.... С. 104.

³² Там же. С. 104-105.

что Ваши стихи восприняла я не в поэтическом плане. Я увидела здесь какую-то катастрофу, какой-то срыв в неизвестное мне. Неужели для Вас Эллада стала «храмом украшенным бесов» и Вы покинули этот храм, как и Павел прозревший или ослепленный Эдип?... Вячеслав Иванович, за мою большую любовь к Вам и веру в Вас, Вы должны ответить, п.ч. вопрос стоит остро, п.ч. вопрос идет о моей жизни, о моей будущности...”.

После первой вспышки гнева и обиды за то, что (напрасно) показалось ей изменой Элладе, пришли письма более умиротворенные³³.

Не думаю, что измена Элладе была причиной того, что так огорчило и так разгневало К.М. в этом стихотворении. Скорее всего, она заподозрила, и не без некоторых оснований, что у В.И. происходит глубокая перемена мировоззренческого порядка, и идеалы античности сменяет новый идеал и новый кумир – католический Рим. Это, как мы знаем, было неприемлемо для неё и могло привести действительно к разрыву со своим учителем, к внутренней духовной катастрофе. Ведь в 1927-28 году, когда шла переписка между К.М. и В.И. по поводу «Палинодии», К.М. уже жила в Ленинграде и готовилась к поступлению в аспирантуру ГАИМК’а, чтобы посвятить свою жизнь античной культуре. А В.И., вероятно, в стихе своем как всегда играл, взвешивая на ладони две крайние судьбы культуры – Элладу и новый католический Рим, в котором ему предстояло жизнь и предстояло работать.

В.И. пребывал за рубежом не в статусе эмигранта, и не прекращавшаяся весь продолжительный срок жизни за границей переписка с учениками создавала особое чувство не прерывающегося его присутствия в них. М.С. Альтман, как известно, продолжал переписку в В.И., его дочерью и сыном в течение всей своей жизни. Он активно участвовал в подготовке римскими издателями к печати полного собрания сочинений В.И. Не прерывала переписки с В.И. и Е.А. Миллиор, продолжал переписку с семьей В.И. и В.А. Мануйлов. К.М. также активно участвовала в переписке, но уже в Ленинграде, ввиду реальной опасности ареста в начале 30-х годов, она уничтожила весь свой архив, чтобы нечаянно не погубить кого-либо из своих друзей. В дальнейшем она больше не сохраняла ни писем, ни документов, понимая, в какое суровое время ей пришлось жить и работать. В своем письменном столе она бережно сохраняла только небольшой по размеру фотографический портрет Вячеслава Ивановича, на обратной стороне которого рукою Вячеслава Ивановича

³³ Там же. С. 176.

было написано посвященное ей стихотворение, которое начиналось словами «Ксения, странница...».

В.И. официально числился в командировке. Он сам понимал свое сложное положение и свою формально существующую обязанность из командировки вернуться. «Перейти на положение эмигранта Вячеслав не хотел, – сообщает Лидия Вячеславовна. – В продолжение многих лет он отказывался печататься в зарубежных русских журналах. Он обещал Луначарскому, при получении визы, что не будет – по крайней мере в начале своей жизни за границей – печататься в антикоммунистических органах»³⁴. И он держал своё слово. Более того, вплоть до 40-х годов он сохранял российское гражданство, регулярно регистрируя свой российский паспорт в советском посольстве в Риме. Его звали назад, в Россию, предлагали вступить в ГАХН (Государственную Академию Художественных Наук), предлагали кафедру античной филологии в Московском университете, но он не откликнулся. Однако он помнил о своей командировке и временами подумывал, не вернуться ли ему в Баку. Вплоть до начала 1927 года он колебался: Лидия Вячеславовна в «Воспоминаниях об отце» свидетельствует: «Вячеслав подумывает даже, не должен ли он вернуться в Баку»³⁵. Но – нить обрывается: в начале 1927 года он получает письмо из Баку, в котором проф. Зуммер сообщает ему, что в университете, по предложению студенческих коммунистических организаций, словесное отделение упразднено, и, следовательно, возвращаться из командировки ему некуда. Он сообщает свежую новость из бакинского университета своим близким. «Nun bin ich vogelfrei, т.е. «волен как птица», как говорилось у немцев об опальных и изгнанниках», – заключает Вячеслав Иванович свое письмо от 7 января 1927 года из Павии к своей дочери и сыну³⁶. Незадолго до смерти В.И. принял итальянское гражданство. Умер он в 1949 году и был похоронен в Риме, в Папской области.

³⁴ Там же. С. 150.